

THE MESSENGER • DER BOTE

ВЕСТНИК

орган р.с.х. движения

МЮНХЕН

СЕНТ-ОКТ

IX — X

1949 год

ОГЛАВЛЕНИЕ № 9-10 (1949 год)

1. СВЕТЛЫЙ ПОКРОВ НАД МИРОМ — прот. С. Булгаков	1
2. БЕСЕДА ЕПИСКОПА ИОАННА БРУКЛИНСКОГО	6
3. КАТОЛИЧЕСТВО И ПРАВОСЛАВИЕ —	8
4. РУССКОЕ СТУДЕНЧЕСКОЕ ХРИСТИАНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ ЗА РУБЕЖОМ	1
5. ЦЕРКОВЬ И ГОСУДАРСТВО	3
6. СЕРДЦЕ АМЕРИКИ	4
7. БИБЛИОГРАФИЯ	8
8. СЪЕЗД ПРАВОСЛАВНЫХ ПРАВОСЛАВНЫХ ЦЕРКОВЕЙ	9

Журнал

Цена

Адрес

БИБЛИОТЕКА - ФОНД
 "РУССКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ"
 Н. РАИЩЕВСКАЯ Д. 2
 ив. 720

Издание Р. С. Х. Движения

Русское Студенческое Христианское Движение за рубежом имеет своей основной целью объединение верующей молодежи для служения православной Церкви и привлечение к вере во Христа неверующих. Оно стремится помочь своим членам выработать христианское мировоззрение и ставит своей задачей готовить защитников Церкви и веры, способных вести борьбу с современным атеизмом и материализмом.

СВЕТЛЫЙ ПОКРОВ НАД МИРОМ

(Слово в день Покрова Пресвятой Богородицы)

Днесь празднует русская Церковь событие, происшедшее в давние времена и не в русской земле, а в далекой чужбине — в греческом Царьграде, уже более 1000 лет назад, когда не было еще и русской Церкви. Событие это совершилось во храме Влахернском, в присутствии многочисленного народа, но зримо оно было лишь двумя друзьями о Господе, блаженным Андреем, Христа ради юродивым, и юным Елифанием, его учеником. Оба зрели, как в сем храме присутствовала, молясь о мире и людях, Сама Небесе и Земли Царица, и как осеняла Она молящихся пресвятым своим омофором. Кроме них, никто в храме не удостоился дивного сего и страшного видения, и через них уведала Церковь о радостном явлении Богоматери, кое днесь благовернии людие светло празднуем. Кто же был сей Андрей, блаженный избранник, которому явила Богоматерь Свое посещение. В великом граде царственной Византии св. Андрей казался самым убогим, нищим, худородным. Под зраком вольного юродства о Господе утаил он от людей светлый свой дух и благодатную премудрость. Был он чужероден в Византии, еще с детства продан в неволю из славянского, скиф-

ского, нам родного народа. Быв возлюблен господином своим Феогностом, он получил в доме его эллинское просвещение и явил особливую способность к книжному делу, почему был отмечен почетной должностью писца (нотара). Но его мудрость звала его от мирского знания к богомыслию, а богатство даров влекло его к нищете духовной. Следуя внутреннему зову, подкрепленному еще чудесным видением, сложил он все свои дары к подножию креста, облекшись странным и смехотворным безумием. И под рубищем нищего сокрылись богатые ризы, под струпами и нечистотами утаилась духовная лепота. Он подъял подвиг юродства вместе с подвигами поста, нищеты, неприютности, неустанной молитвы. И сего то безумного, сего странного, сего юродивого избрала в таинники свои во Влахернах Божия Матерь. Оказался не избран патриарх и никто либо из епископского, священнического и иноческого чина, не избран царь со всеми своими вельможами, не избран никто из мужей ученых и разумных, которыми столь богата была Византия, никто из именитых мужей царствующего града. Но избрала Божия Матерь сего Андрея, паче всех себя умалившего, паче всех себя обюродившего. Совлечься ума, его отречьшись для Господа, стать выше самого ума в святом юродстве — сей подвиг соделал носителя избранником Пречистой. Св. Андрей был еще ранее удостоен ведения тайн Божиих, ибо, подобно ап. Павлу, восхищен он был до третьего неба, в райских обителях зрел честный Крест и поклонился Христу во славе Его. Он зрел и обиталище Богоматери, но Ее самой не было тогда в нем, ибо Владычица сходила на землю милосердствовать о людях. Но не узрев в небесах, блаженный подвижник сподобился увидеть Ее на земле во храме Влахернском. И он зрел Ее не один, но вместе с благоговейным юношей, другом своим Епифанием. Сей юный возлюбил юродство наставника своего, он избрал себе в назидание не славу, не богатство и блеск, не ум и ученость в пышном и царственном граде, но смиренномудрие и безмерную любовь креста, за то и не разлучился он с другом своим в великом и страшном видении. То было в конце жизни блаженного Андрея. Присутствуя на всеобщем бдении во Влахернах в последнюю стражу ноши он увидел, как Богоматерь входила во храм через царские (западные) врата в окружении воинств небесных и множества святых людей, поддерживаемая руками сродника Своего

Иоанна Предтечи, величайшего из рожденных женою, и возлюбленного ученика Христова, Иоанна Богослова, Ей на кресте усыновленного Господом, сих двух великих Иоаннов. Она приблизилась к амвону, и св. Андрей вопрошил Епифания: „видишь ли Госпожу и Царицу мира?“ на что сей с трепетом ответил: „вижду, отче, и ужасаюсь“. Богоматерь, преклонив Свои колена, молилась на долгий час, обливая слезами боговидный и пречистый лик Свой. *Богоматерь коленапреклоненно молилась, Госпожа и Царица мира плакала о нем.* Окончив молитву на амвоне, Она приблизилась к алтарю и здесь снова молилась о людях своих. По окончании же молитвы, сняла Она с главы Своей мафорий, подобно молнии блиставшее покрывало, и с великой торжественностью простерла его над народом, и оба святые зрели сие блистание славы Божией, доколе оставалась во храме Пречистая, и оно сделалось невидимым лишь по отшествии Ее. Св. Церковь возлюбила паче прочих это видение и празднует его как великое и радостное открытие о Светлом Покрове над миром, о великой любви Богоматери. Ибо не только во храме Влахернском 1000 лет назад молилась слезно Богородица, но молится ныне и здесь, и всегда, и всюду, и до скончания века. И не только над присутствовавшими тогда во Влахернах простерся честный Ее омофор, но и над всем родом чело-веков, и над всем миром, и над нами, грешными, сияет осеняющий и спасающий Покров Богоматери, хотя и не имеем очей, которые достойны сие увидеть. Божия Матерь посредствует между землею и небом. Она есть ходатаица мира, возносящая его молитвы к Престолу Славы Божией. Она есть любовь и милосердование, милость и жалость, прощение и заступление. Она не судит, но всех жалеет. Она — не правда суда и не суд правды, но материнское предстательство. И на Страшном Суде Сына Своего Она молит праведного Судию о прощении. Грех мира и скорби мира ранят сердце вселюбящее, на злобу и грех. Она отвечает любовью и слезами, оружие и ныне проходит сердце Ее. *Богоматерь плачет о мире.* Что есть тайна сия? Царица Небесе и Земли, на небесах с Сыном сущая, превышая твари, честнейшая херувим и славнейшая без сравнения серафим, Та на Коей почит сам Дух Святой, Она плачет о мире! Сам мир плачет о себе Ее слезами. Его страдания и скорбь суть и Ее печали, его рыдания суть и Ее слезы. О, чудо

чудес! О, дивное таинство! Как сочетается блаженство небесное со скорбию земли? О, благодатная лествица, соединившая небо и землю! Премирно сущая превыше всякого создания, Она чрез Сына Своего приемлет славу Божию, но земли не оставляет — сила и слава рода человеческого. Она — мать, Она — сердце, Она — земля неоранная. Она живет с нами в чудотворных иконах Своих, Она близка нам, чадам Своим. Что есть покров сей, простертый над миром Богоматерью? Сие есть слава Божия, венчавшая вознесенную в небеса Приснодеву, сие — Дух Святой на Нее низошедший, сие — сила Божия, в мир сходящая и его освещающая. Сие — спасение мира и человеков благодатию Божией, сие — рассеяние и одоление духов злобы поднебесных, не мощных снести светлого Ее зрака, сие — спасение грешных от врагов, сие — освящение стихий и всея твари, сие — небо, сходящее на землю. Сие — Царица небес, сущая мира гражданка, сие — Мать Божия, сущая мать всякой души христианской. Сие — радость творения, сие — радостию радость, невеста невестная, сие — сила целомудрия, девственное сердце творения, сие — блаженство любви, невместимое, неизреченное. Если бы очи людские зрели свет Богоматерний в мире, знали бы въяве они таинственно совершающееся мира преобразование. Если бы зрели слезы пречистых очей, дрогнули бы, растопились сердца жестоковольные. Не может быть столь окамененного сердца, чтобы не размягчилось оно перед сею любовию, о нем милосердующей: на злобу — любовь, на грех — слезы, на хулу — прощение, на вражду — благословение. Но не видят, не знают, смежены до времени очи наши. Откроются на грани мира сего и в оный день судный.

Страждет мир, плачет тварное сердце, изнемогает в богооставленности на кресте распинающаяся душа. Но мир не оставлен в скорби своей, человек не одинок в печали. Ранится и раздирается материнское сердце, вместе с нами плачет о нас Богоматерь. Слезная молитва Пречистой есть с нами и о нас молитва. Да ведаем же, чье сердце мы раним грехами, чьими слезами омываются наши падения. Но и то да ведаем всякое создание, что оно не забыто у Матери, Коей близка всякая душа человеческая. Что больше сего утешения?

Возлюбила русская земля день Покрова Богородицы, явленного славянину в далеком Царьграде. И не там, а в далекой стране полунощной стали радостно петь и

ублажать осенение мира Богоматерию. Приклонился душою народ наш к дивному сему явлению, воздвиглись храмы по всей земле русской во имя Покрова Богоматери, и преклонил он колена сердца своего, вкупе с молящейся коленопреклоненно Богородицей. Ныне в великой скорби своей, народ русский православный осеняет себя Покровом Ее. Она являет любовь Свою к избранным народа сего, Она являла им зрак Свой, Ее стопы освятили землю нашу ради угодников Божиих. И ныне в бедах и скорбях разве не слышит Она стонов и вздыханий, разве не внемлет плачу и рыданию? Верим и ведаем, яко и днесь предстоит Милосердная с молитвой и плачем о русской доле. Внемлет ли русское сердце сей плач Богоматери? Ведает ли Ее молитву и утешение? Знает ли оно покров Ее над русской землею? Да, внемлет и ведает, когда молитвенно склоняется перед Пречистой. Не оставила она русскую землю, хотя и попущены ей сатанинские испытания. Се тихим гласом — в явлении чудотворной Державной иконы Своей — возвестила в начальную годину искушений Богородица, что ныне Она русской земли Госпожа и Царица и содержит ее в Державе Своей. Она поведала верному сердцу, что спасена наша земля Ее Богородичной силой, хотя еще доселе не явлен путь сего спасения. Она встречает на лоне смерти приходящих ныне от великия муки и тех увеселяет явлением Своим. Она умудряет избранных Своих, в велией скорби сущих. Она спасает землю нашу от разрушения. Она утверждает мучеников и исповедников Своих. Она вразумляет пастырей. Она к великому свету ведет церковь русскую. Да не смущается дух наш убожества пред высокоумием, Она убогого избрала явить Покров Свой честный, Она юродивому открыла славу Свою. Ныне, как и встарь, в сердце верных горит радость Покрова Богоматери и Ее молитвы о мире. Всесильна молитва. Господь рек: „просите и дастся вам“. И если творит чудеса молитва и грешного человека, то всесильна молитва Матери Божией, которою молится сам Дух Святой, на Ней почивающий. И если верим, что и днесь Дева предстоит в молитве, то ведаем, что ко благу совершается все, происходящее с нами, и да умолит нам Богоматерь великое терпение во спасение душ наших. Да воссияет над нами и в нас, в сердцах наших и в стране нашей, радость и свет покровы Богоматери. Аминь.

Из сборника „Радость Церковная“ прот. о. Сергия Булакова.

БЕСЕДА ЕПИСКОПА ИОАННА БРУКЛИНСКОГО

Краткая запись беседы на съезде православной молодежи в Прине (Германия). Сентябрь 1949 года.

Перед Богом равны все народы, но каждый имеет свой собственный земной облик. Каждый народ имеет в себе *благодать благословенных душ*, хотя в разной мере, один больше, другой меньше. Бывает, что от народа отнимается благодать и тогда он разлагается и разлагает других. Чем больше приближаемся мы к Царствию Божию, тем сильнее мы чувствуем благословение Божие в мире и тем более крестно чувствуем его отсутствие.

Здесь, на земле, законы этого мира отражают человеческий грех. Трудность этого временного, земного и социального мира, не только в разделении людей и народов и их отрыве от истины Божией, но и в том, что люди и народы часто соединяются не в истине Божией. Солидарность человеческая бывает иногда лишена онтологического значения, и многие человеческие соединения, так недолговечны, так несущественны на земле бывают, мы видим, соединения на почве материальной и поверхностно-социальной; и даже на почве зла, таково например, соединение разбойников. Бывают „естественные“ соединения только одного природного, животного характера. И этим живет мир. Но Господь Иисус Христос оставил людям другое единение, высоко поднимающееся над природным. Каждый человек имеет в себе нечто, великое, чудное и глубокое, посредством чего он может войти в настоящий контакт, в истинное единение с другим человеком. Эта глубина открыта людям и те, кто ее еще не знают, должны поверить в нее. Национальная и социальная жизнь людей призвана к углублению и освящению. Она должна не препятствовать высшему единению всех людей и народов, но вести к нему, ибо во Христе „нет ни эллина, ни иудея“, один Отец Небесный, одно человечество, одна человечность. Один Спаситель этой человечности, Господь Иисус Христос.

В прошлом году мне пришлось принять участие в съезде объединения Православных клубов молодежи в Америке. Это новое явление американской церкви. Американская молодежь пытается взять все хорошее от Америки и соединить это с Православием. Съезды происходят, конечно, в американском стиле и масштабе; центр съезда всегда — богослужение; потом бывают доклады, беседы

и неизбежно — сборы пожертвований. Идеологическая часть обычно протекает во время центрального ужина-банкета, когда произносятся речи на принципиальные темы. В прошлом году в Миннеаполисе на съезде F.R.O.C. (этого объединения) была очень интересная речь бывшего миссионера в Китае, ныне члена американского Парламента. Он говорил: я вижу только три мировых объединения: Лига Наций, коммунизм и Христова Церковь... И он призывал к объединению во Христе.

Я часто говорю молодым православным американцам: „не забывайте своей ответственности, вы в себе соединяете Россию и Америку. Соединяйте в себе все доброе и святое, что есть в обеих этих странах и вы послужите большому делу. Во время речи при открытии Православной Духовной Академии в Нью-Йорке пришлось вспомнить слова Менделеева, что сперва была у человечества „речная культура“, затем „морская“, после „океаническая“, теперь же повидимому мы входим в период „планетарности“; и этим, может быть, объясняется в настоящее время мировая потрясенность злом.

Как-то, помню, на пароходе, когда я плыл в Св. Емлю, в Средиземном море, ко мне подошел негр-сенегалец; он был крещен в Африке три года тому назад и получил от миссионера краткий катехизис. Внимание его сейчас остановилось на вопросе Благодати, как проявляются в человеке дары Св. Духа; и он по детски просто и доверчиво просил у меня объяснений. Я объяснил ему как мог и повидимому, не только удовлетворил, но и обрадовал его. И после подивился я *радостной* всечеловечности этого общения с неизвестным доселе мне негром, на борту случайного парохода, в пустыне мира. Все земное было различно в нас, до предела. Он негр, я белый, но какая сразу же установилась и осталась (это уже навеки) близость между нами. Нас соединил Господь, Дух Святой и все земные перегородки отпали. И истине, нет иного пути единения человека с человеком.

Земная жизнь имеет главной, высшей целью выявление нашей глубины и глубины другого человека в Боге; и может нас сделать истинно родными друг для друга — навеки — только Божественное дуновение.

Господь Бог все время бдит над миром. Св. Троица, Бог Единый делает все (и беспорывно и повсюду) для спасения человечества, и Силы небесные служат нам. Как же велика сила нашего человеческого зла в мире,

если мы *все-же не приближаемся* к Господу?!... Мы капсулируем в своих разнообразных формах эгоизма и служим в разных формах себе, а не Богу... Трагические русские испытания, не только наша личная человеческая судьба, Господь явно учит нас и других все-ленской духовности. Учит *от прямого*, и учит *от обратного*. Наше духовное национальное падение совершилось вследствие неисполнения нами нашей православной апостольской вселенскости.

Но скитание наше в мире не есть наше отвержение, это призыв, это задача. Мы призваны быть в мире аккумулятором православного, вселенского, истинно-христианского сознания, носителями Евангельской, воскресной, для всех людей, любви.

В сегодняшнем Евангелии мы слышали, что Господь наш был „со зверями“ в пустыне... Это ведь и картина мира, окружающего нас. Но, также и Ангелы служат нам...

Да будет духом этого служения проникнута наша жизнь и все наше служение среди духовной пустыни этого мира, на всех тех трудных и сладких дорогах мирового изгнания и посланничества, на которых поставил и ставит нас Господь.

КАТОЛИЧЕСТВО И ПРАВОСЛАВИЕ *)

Степун. Недавно я был в гостях, где под вечер собралось небольшое общество, человек 10. Разговор шел об отношении церкви к государству, христианства к политике. Больше всех горячился довольно молодой человек, полукатолик, полусоциалист. Не лишенный дара красноречия, он злобно доказывал, что никакой независимой от государства церкви ныне не существует: Папа защищает американский капитализм и атомные бомбы, а Патриарх Алексей — товарища Сталина, превратившего всю Россию в сплошной концентрационный лагерь. Это-ли не доказывает, что в мире торжествует Карл Маркс, что

*) Печатаемая ниже беседа Патера Ланга, одного из самых значительных и влиятельных профессоров Богословского Факультета Мюнхенского Университета, с профессором Ф. А. Степуном была передана по радио в апреле этого года на немецком языке. Перевод сделан Ф. А. Степуном по стенограмме.

даже и церковь представляет собою лишь „идеологическую надстройку над базисом экономического производства“.

В Женеве, правда, заседает некий „экуменический совет“, но ему давно надо посоветовать перестать заседать, так как католики с самого начала саботировали экуменическое движение, патриаршая же церковь после некоторых провокационных колебаний откровенно заявила, что Женевский протестантский совет является лишь культурно-политической агентурой американского империализма.

Слушая молодого человека и ощущая некоторую долю правды в его рассуждениях, я никак не мог понять, как еще находятся люди, мечтающие о Христианском управлении миром, как какой то видный католический мыслитель, имя которого я забыл

Pater Ланг. Вы, конечно, имеете в виду эмигрировавшего в Америку иезуита Мёниуса (Mönius), мечтающего о том, чтобы миром управляли „Белый дом“ и Ватикан. Это, конечно, чистая утопия. До чего мы далеки от таких возможностей доказывается хотя бы тем, что Ватикан не только не имеет своего представителя в Совете Наций (UN), но не имеет его даже и в международной организации по согласованию культурных устремлений отдельных наций (UNESCO). Да и как бы Ватикану управлять миром вместе с „Белым домом“ после того, как св. Отец еще недавно заявил, что социализм при некоторых условиях может оказаться приемлемым для христианской совести, капитализм же является организованной несправедливостью.

Степун. А знаете-ли вы, коллега Ланг, что идея Мёниуса является своеобразным вариантом Соловьевской концепции о разделении власти над миром между римским папой и православным русским царем. Конечно и это утопия, от которой Соловьев к концу своей жизни не только отказался, но которую даже и осудил, но все-же это утопия до некоторой степени понятная. Разделяя во Христе достоинство Царя и достоинство первосвященника, Соловьев мыслил земным наместником Христа — Царя, Богопомазанного Императора России, а наместником первосвященника — папу. Но как можно вместо Богопомазанного царя привлекать в сотрудники папы никем непомазанного избранника американского народа, понять невозможно.

Pater Ланг. Вы совершенно правы. Я думаю, что утопия Мёниуса внушена ему не христианской мудростью, но политической страстностью.

Вероятно мы с вами согласны в том, что церковь имеет полное право всею своею любовью к человеку и заботою о нем участвовать в социально-политической жизни страны, но лишь при условии ее полной внутренней независимости от государственной власти. Оттого так утешительно сознание, что, кроме порабощенной советской властью патриаршей церкви, существует еще свободная церковь эмиграции и, как говорят, катакомбная церковь в России.

Степун. Вот этой-то свободной церкви и необходим сговор как с католичеством, так и с протестантизмом. Сейчас, когда все злые силы мира подпочвенно объединяются между собой для порабощения гуманитарно-христианской культуры, недопустимы недоброжелательство и даже война между отдельными вероисповеданиями и отдельными направлениями в них.

Я не думаю, чтобы этот сговор мог в ближайшее время привести к объединению церквей. Я даже *не буду утверждать желательности* такого объединения. Мне ясно только одно: необходимость взаимного понимания и живой любви между всеми церквями.

Pater Ланг. Но что-же с вашей точки зрения препятствует такому движению?

Степун. На этот вопрос вы найдете очень обстоятельный ответ у профессора Карташева. Мне кажется, он прав, что сближению между вероисповеданиями мешает католическое убеждение, будто бы Рим владеет полностью истины. Благодаря этому убеждению католичество принуждено подменять идею объединения церквей идеей подчинения отколовшихся вероисповеданий Риму: римской догматике и римскому Папе. Пользуясь, быть может, несколько необычной терминологией, Карташев утверждает, что камнем преткновения к объединению церквей является „нео-католическая идея унии“.

На ряде примеров Карташев убедительно показывает, что бесконечные разногласия, раздиравшие церковь в первые века, доходившие до прекращения всякого общения между спорящими сторонами и даже до взаимного отлучения, всеми и всегда ощущались не борьбой между

церквями, а борьбой человеческих мнений и устремлений в лоне единой и во веки веков неделимой церкви. В глубине души, думает Карташев, враждующие между собой иерархи знали о своем общем грехе, почему расхождение всегда и кончались не объединением церквей, а восстановлением мира в церкви.

Pater Ланг. Вы правы. Идея унии предполагает серьезное разъединение, даже разделение церквей. Раньше в единстве церкви никто не сомневался; ныне же необходима серьезная работа над сближением.

Не мы требуем этой работы. Христос требует ее от нас: „да будут все едино, да уверует мир, что Ты послал меня“ (Иоан. 17, 21). Раз мы знаем таковую волю Христа, то вопрос о том, каковы шансы на объединение, в сущности не важен. Римская церковь, конечно, обязана болеть и заботиться о других церквях. Было-бы очень важно, если бы отделившиеся от церкви христианские общества примирились между собой. Если Рим и противился экуменическим устремлениям, то исключительно из за боязни слишком легкого признания всевозможных учений и недостаточно серьезного отношения к истине, из за боязни релятивизма.

Истина церкви не церковью изобретена, но Самим Богом доверена ей, потому церковь обязана, не только свято блюсти ее, но и твердо защищать. Если речь между отдельными вероисповеданиями идет не о частностях, а о *понятии* истины, как таковой, то тем самым она идет и о едином строе и распорядке христианской жизни. Этот единый строй соответствующий *понятию* единой истины завещан Самим Христом.

Степун. Простите, коллега, что я прерываю вас, но я это делаю исключительно ради уяснения вопроса. Вы только что дважды употребили слово, которое в глубине нас единит, но на поверхности разъединяет. Я имею в виду вашу типичную для католичества формулировку: церковь должна оставаться верной единому *понятию* истины.

Поверьте, мы, православные, также твердо верим в единую истину, как и римские католики. Но в отличие от католиков мы не верим в то, что эта единая истина может быть полностью выражена в каком бы то ни было *понятии*: истина церкви живет не как отвлеченное понятие в человеческой голове, но как веяние духа в душе

человека. Полнота этой истины никаким понятием охвачена и выражена быть не может. Даже догматы не вмещают в себе всей полноты сокровенной истины церкви. Догматическое сознание церкви есть сознание Богочеловеческое, в котором человеческое сознание неизбежно затемняет Божественное. Мы люди, даже и сами верующие среди нас христиане, не в силах предстать истине лицом к лицу, она является нам лишь в символическом преображении и преломлении.

Pater Ланг. Все, что вы говорите, вполне совпадает с католическим учением. Покойный pater Липперт прекрасно писал о том, что, являясь ознаменованиями абсолютной истины, догматы сами по себе отнюдь не абсолютны. Поверьте, католичество прекрасно понимает, что абсолютная истина не уловима в словах, а лишь отображима в образах. Церковь также говорит в образах, как в образах и притчах говорил Христос. Даже самые отвлеченные формулировки церкви лишь аналогии. Вся догматика ничто иное, как попытка наивозможно близко подойти к истине, нераскрывающейся ни в каких учениях, все равно, восточной-ли или западной церкви.

Степун. Если дело обстоит так, то не думаете ли вы, pater Ланг, что было бы хорошо, если бы римско-католическая церковь по возможности съузила бы круг непререкаемых истин и по возможности расширила бы сферу лишь относительно-значимых учений. Это безусловно помогло-бы нашему сближению, в особенности при условии, чтобы *все учения, установленные западной церковью после разделения церквей, отошли бы в сферу относительности.* Я знаю, что в практике католичества господствует как раз обратная тенденция: до сих пор католическая схоластика защищает в философии теорию познания Аристотеля, игнорируя более новые учения Декарта и Канта. Не думаете ли вы, что в этом пункте Запад мог бы пойти нам навстречу. Некоторое педагогическое смирение казалось бы нам, православным, уместным еще и потому, что разделение церквей нельзя не считать неким грехопадением христиан (О, конечно не христианства!), т. е. состоянием, в котором каяться и скорбеть, пожалуй, важнее, чем властвовать и учить.

Если бы Запад мог в этом отношении пойти нам навстречу, то новейший догмат о непогрешимости Папы

потерял бы в значительной степени свое разделяющее церкви значение. На эту тему есть полные понимания и встречаемости слова у одного из наших наиболее значительных историков церкви. „Римское Папство, пишет этот историк, до такой степени глубоко и органически спаяно со строем, историей, всей жизнью и благочестием латинской церкви, что требовать его упразднения равносильно посягательству на всю мистику латинского церковного благочестия... Право, нам пора понять благочестие римского католика, его экклезиологическую мистику... Чья грубая рука решится вырвать из сердца западных братьев этот нежный цветок любви к церкви? Восток отрицает не Папу, но лишь его вселенское значение”. Я, конечно, понимаю, что такой ограниченный в количественном, но все же неизменный в качественном смысле папа неприемлем для римской Церкви, но дальше православие пойти не может. И все же не думаете ли вы, pater Ланг, что для углубления взаимоотношений между нашими Церквями занятая русским историком церкви позиция — быть может и достаточна. О большем же, чем о взаимном сближении и подлинной любви друг к другу, в настоящий момент говорить не приходится.

Pater Ланг. Мне кажется, что мы подошли к самому сложному и важному вопросу. Я, простите, не думаю, чтобы вы были правы в защите догматического минимализма. Выдвинутая вами идея о различении безусловно значительных учений церкви от лишь относительно значимых, — мне представляется неосуществимой. Мы не властны над догматами. Но, быть может, важнее перейти к другой стороне вопроса.

В связи с догматом о непогрешимости важно, прежде всего, выяснить себе вопрос: был ли Христом установлен единый на весь мир учитель-пастырь, была ли Им учинена единая на весь мир „кафедра”, независимая от исторического развития, от индивидуальностей народов, от различия культур и эпох, существует ли, одним словом, некий непререкаемый авторитет для всего христианского мира? В связи с положительным ответом на эти вопросы вырастает, конечно, некий, на первый взгляд непреодолимый барьер против восточной церкви. И все же я думаю, что собор 1870 года, провозгласивший догмат о непогрешимости папы, поступил правильно.

Спросим себя прежде всего, каков смысл, каково содержание и каковы границы провозглашенного учения? Без выяснения этих вопросов всякий разговор о Риме повисает в воздухе.

Прежде всего, надо себе дать отчет в том, что непогрешимость мыслится как некая благодать, нисходящая на *сан* Первосвященника, но отнюдь не как подарок *человеческой личности*, освобождающий ее от ее тварной греховности.

Догмат о непогрешимости вырос из богословского допущения, что ниспосланный Самим Господом Святой Дух может опекать церковь, предохранять ее от ошибок не только „соборно“, т. е. пользуясь обще-признанным авторитетом собора, но и иным, более личным путем. Речь идет, таким образом, лишь о втором модусе воздействия Господа на свою паству. Вот и все.

Интересно, между прочим, отметить неизвестный и многим католикам факт, что после того, как был сформулирован догмат о непогрешимости, Папою не было произнесено ни одного опирающегося на этот догмат решения.

Противники догмата опасались, что с его введением придет конец всякому богословствованию, друзья же надеялись, что им за каждым завтраком будет сообщено новое постановление непогрешимого Папы. Оба предположения не сбылись, почему и нет оснований утверждать, что догмат о непогрешимости окажется непреодолимою преградой для воссоединения церквей.

Я, впрочем, глубоко уверен, что если бы мы к этому воссоединению были ближе, чем мы к нему на самом деле находимся, то дающею стороною был бы отнюдь не только Запад и, даже, не прежде всего Запад. Мы ныне нуждаемся в Востоке и потому глубоко тяготеем к нему. Мы все больше чувствуем, что писания греческих отцов таят в себе неизмеримую глубину, которая только что еще начинает открываться нам. К счастью орден Бенедиктинцев подготавливает в настоящее время полное критическое издание Иоанна Дамаскина, самого крупного и общего нам греческого отца.

Степун. Я очень рад примирительно встречающему тону ваших размышлений и надеюсь, что и другие разделяющие нас догматы, как например „филиокве“ (*filioque*), смогут не препятствовать нашему взаимопониманию. Воз-

можно, конечно, развертывание этого догмата в целую богословски-историко-софскую систему, как то делает большая знаток католичества — профессор Карсавин, но мне лично его размышления не кажутся убедительными.

Pater Ланг. Это очень верно. Только реакционные конфессионалисты обеих церквей придают „филиокве“ такое большое значение. Не очень существенными представляются мне и наши разномыслия в вопросе о превращении хлеба и вина в Плоть и Кровь Христовы.

„Филиокве“ представляет собою добавление к римскому символу веры: согласно этому догмату, Святой Дух истекает совместно из Отца и Сына; это противоречит более древнему греческому учению, согласно которому Святой Дух исходит от Отца через Сына.

Для доброго мира между нами не надо, впрочем, забывать, что „филиокве“ было прибавлено к символу веры не Римом. Сформулированное впервые в Испании „филиокве“ через Галлию попало в Германию. Это подарок немецкой нации Вселенской Церкви. Император Генрих II посоветывал Папе присоединить „филиокве“ к символу веры. Уже отделившиеся в то время греки оказали сопротивление новшеству и восстали против него.

Не думаю, чтобы на будущих соборах нельзя было сговориться о „филиокве“, представляющем собою развитие древней традиции. А знаете-ли вы, что, служа в 1925 году в присутствии греков и других восточных народов литургию в память Нипейского собора, Папа Пий XI почел вполне допустимым просто напросто опустить „филиокве“.

Не более непреодолимо обстоит дело и с вопросом о преосуществлении Св. Даров, т. е. с вопросом о том, происходит ли оно в момент произнесения священником слов Христа: „Сия есть плоть и кровь Моя“ или в момент молитвенного обращения священника к Святому Духу, или, наконец, на обоих путях.

В заключение, позволю себе, коллега, поставить вам самый важный для нашего дела вопрос. Согласитесь, что, нападая на римско-католическую церковь за ее претензию обладать всею полнотою истины, восточная церковь, в лице многих влиятельных иерархов и мыслителей, не раз высказывала мысль, что полнота истины хранится на Востоке; заявляла она об этом и на многих экуменических конференциях. На чем она основывает эту свою претензию?

Степун. Главный аргумент в защиту положения, что православная церковь имеет право претендовать на ту полноту истины, которую она отрицает в католичестве, всегда сводился к тому, что православие говорит от лица еще не разделенной церкви, говорит в защиту ее Небесного Семени и ее исторического корня, католичество же — лишь от лица отколовшейся части и тем защищает невозможное положение, что часть и есть целое, что ветвь и есть корень.

Я думаю, что этой аргументации нельзя отказать в некоторой правильности. Напряженный эсхатологизм православия, неослабное в нем ожидание конца мира и второго Пришествия, его незаинтересованность в земных делах и путях церкви, отсутствие на Востоке, в особенности в русском православии, рационалистической схоластики, вобранность догматического учения в литургический чин, надвременности православной иконы, — все это у нас от бесспорной Истины древней церкви.

Признавая это, я однако сознаю и то, что, живя духом еще не разделенной, не расколовшейся церкви, мы не должны жить простым подражанием ей. Говорить о том, что мы правы потому, что наша церковь представляет собой точную „копию“ древней Церкви — как это у нас часто говорится, очень опасно и неверно, ибо всякая копия, хотя бы и почти неотличимая от оригинала, представляет собой нечто совсем иное, чем оригинал.

Эту разницу из русских религиозных мыслителей лучше всего понимал, в иных случаях быть может и не в меру революционно настроенный, Н. А. Бердяев. В своих писаниях он любил указывать на то, что отцы Церкви были самыми горячими, самыми творчески-окрыленными христианами своего времени и что на них потому менее всего имеют право ссылаться те, что, лишённые творческих импульсов, ничего не делают, как только повторяют отцов.

Должен, все же, оговориться, что вся эта проблематика нового и старого относится не к духовному опыту церкви, а лишь к их учениям, к догматам, теологическим и очень обильным в католичестве социальным и культурным предначертаниям.

О том, что учащая церковь жила на Западе более богатую жизнью, чем на Востоке, — говорить не приходится. Большого вопроса о том, не послужило ли это богатство причиной некоторого ущерба и оскудения ми-

стической жизни римско-католической церкви, как на том настаивают многие православные, я касаться не буду. Не потому, чтобы я не чувствовал очень сложного взаимоотношения между жизнью церкви и церковным учением, между христианской мистикой и католической схоластикой, но просто потому, что, по моему, всякий братский экуменический разговор может быть продуктивен лишь при условии готовности всякой стороны исходить не из чужих недостатков, а из своих собственных. В том же, что отсутствие в русском православии своих собственных, глубоко продуманных и приуроченных к национальной жизни христианских учений сыграло в нашей обще-культурной и, в особенности, социальной жизни очень большую роль, нам сомневаться, по моему, не приходится. О причинах этого отсутствия в последнее время писалось довольно много. Так, профессором Федотовым (отчасти уже и профессором Шпетом) было уже указано на то, что в оформлении духовного образа русской православной церкви сыграло большую роль то обстоятельство, что, приняв крещение, Россиязнакомилась с Евангелием и Литургиею не на латинском, а на славянском языке.

Защищенное незнанием латинского языка от соблазнов античной мысли русское православие мало работало над вопросами догматики, апологетики, моральной и социальной философии и потому оказалось неприспособленным к борьбе с омирщенной мыслью нового времени.

Это выяснилось не сразу. Пока между церковью и государством царствовали единение и мир, все обстояло благополучно; но, когда после освобождения от татарского ига начался рост московского государства, церковь невольнo начала все более подчиняться ему и терять свою самостоятельность. Этот процесс достиг своего завершения в реформе Петра Великого, уничтожившей Патриархат, обезличившей духовенство и превратившей созданную Петром Синодальную Церковь в прислужницу Империи.

Не думаю, чтобы можно было утверждать, что реформа Петра только потому не встретила сопротивления, что среди русских иерархов и русских мирян не нашлось достаточно сильных и убежденных людей. Ведь еще недавно, в борьбе с Никоном, таковые всюду составляли против реформатора. Думаю, что победа Петра над церковью объясняется не малодушием священства, а

малоразвитостью православного учения о мире, об отношении церкви к государству, о социальных обязанностях власти и о правах человека и гражданина.

Лично я считаю большою заслугою католичества то, что оно взяло под свою защиту античное учение о естественном праве, и большим несчастьем православия, что оно прошло мимо него. Ведь на естественном праве покоятся все права человека и гражданина: свобода вероисповедания, свобода совести, слова, собраний и т. д. Православная церковь естественного права, как *христианской* темы никогда не знала и потому никогда не защищала христианскую душу гражданина от государственной власти и всех ее несправедливостей. Учение о естественном праве появляется в России не как христианская, а как антихристианская и, во всяком случае, как антицерковная тема.

Благодаря такому односторонне-охранительному, антисоциальному крену Синодального православия, все более или менее свободолобивые русские люди, люди обостренной совести и пророческого духа всё удаляются от церкви; русские же политические партии все более превращаются в какие-то секуляризированные церкви, а их утопические учения — в символы веры. Церковное сознание следит за всем этим, но бессильное перед монархической реакцией, оно остается бессильным и перед революционной социалистической утопией. Мистически немотствовавшие перед Господом Богом молитвенники превращаются в немых молчаливников перед властью. Так вырастает лжерелигиозный мир большевизма. Как в этом ни трудно, как ни неприятно сознаться, но не сознаться в значительной степени объясняется тем, что русское православие сознательно стремилось к тому, чтобы быть верной *копией* христианства первых веков: всякая копия устремлена вспять, жизнь же идет вперед.

Pater Ланг. Я вполне согласен с вами, что повторением пройденного пути невозможно преуспеть на путях будущего. Кроме того, я думаю, что даже и первые столетия после Рождества Христова не представляют собой достойного для копии оригинала. О каком либо классическом столетии или, даже, тысячелетии церкви, говорить невозможно: церковь находится в постоянном становлении, углубляющем ее сознание и осложняющем ее образ.

Церковь есть движение и жизнь. И все же, то, что вот уже 30 лет творится в России и изживается православною церковью, исполняет нас великою надеждою на будущее русской церкви. Верьте, мы смотрим на страдания русской церкви и русского народа не только с глубоким сочувствием, но и с искренним благоговением. Мы знаем, что Россия распинается не только за свои, но и за наши грехи и своим мученичеством, Бог даст, спасает не только себя, но и нас, не мало повинных в ее судьбе. Помочь русской церкви извне — мы не можем. Мы не можем возглавить ее и организовать. Вся надежда на богооткровенную истину и веру в благодать, общую у Востока и Запада. Но надежда и на силу русской народной веры, на святых православной церкви, на литургию и на каждую икону в крестьянской избе. Мы знаем, как много может претерпеть русский человек, ради возможности услышать на пасхальной заутрене извечное „Христос Воскресе” и ответить „Воистину Воскресе”. Русский православный человек знает, за что он страдает, и он страдает без малейшей позы и самовозвеличения, с непостижимой для нас, потрясающей простотой. *Этому нам на Западе нечего противопоставить.*

Степун. Спасибо вам за ваши теплые слова. Вместе с вами, но и вместе с Соловьевым, Достоевским и Бердяевым и я готов верить в благодатное действие русского мученичества, которое на Западе, быть может, углубит веру, а в России оживит творческий почин в области государственно-социальной жизни. Я уверен, что Россия осилит свое будущее лишь в том случае, если православная церковь раскроет себя миру, а мир войдет в нее.

Pater Ланг. О, как мы были бы счастливы, если бы Западу было суждено принять посильное участие в социально-государственном строительстве России, христианизации ее жизни и одерковлении ее культуры. Как и вы, я думаю, что большую роль в этом процессе могло бы сыграть естественное право, открытое Аристотелем, но занесенное на Запад восточным римлянином Юстинианом. Для христианизации жизни в первую голову необходима борьба против аморального правового позитивизма, выросшего, странным образом, на Западе, благодаря чрезмерному культу разума, а у вас на Востоке — благодаря пренебрежению к нему.

Там, где каждый считает себя вправе исполнять все

свои желания и, попирая права других, защищать свои интересы, — ни о каком правовом арбитраже и примирении борющихся сторон речи быть не может. Все, признающие право за чисто условную историческую категорию, не могут не полагать в основу всякого права силу победителя.

Божий Промысел бесспорно знает, почему над Востоком повисло угрожающее и нам великое несчастье. Если мы хотим в это страшное время устоять и исполнить наш долг, то мы должны твердо помнить о богооткровенной истине, неустанно славить Господа Бога и стремиться к миру. При этом мы должны помнить, что при совершении литургии прославлению Господа предшествует исповедание символа веры и многократно повторяющиеся возгласы „Господи помилуй“.

Как отрадна мысль, что Папа Генрих VI показал пример признания вины своей западной церкви, причем сразу же после разделения церквей. Ведь возглас „Господи помилуй“ возник на общем обеим церквям греческом языке. Этот возглас выражает духовный голос ищущего Бога человека, борящегося за свое спасение, за спасение народов и человечества. Никогда не забуду слышанного мною в Страстную Пятницу на концерте казачьего хора тридцатитрехкратного Крестовоздвиженского „Господи помилуй, Господи помилуй“. Этот возглас то нарастал до потрясающей душу мощи, то возвращался в свою изначальную тишину. Разве такое „Господи помилуй“ не звучит как голос всего человечества, созданного Творцом, искупленного Сыном и благословенного Святым Духом, а потому и тоскующего о своем разделении и стремящегося к преодолению всяческого разделения и самовозвеличения. Не о том же ли самом говорят и последние, начертанные Лютером перед смертью слова: „все мы нищие, вот в чем истина!“

Папа Каллист V, сбросивший с себя свои пышные одежды и в образе нищего опустившийся на колени перед своими кардиналами, — сделал это ради спасения своей души. Да, все мы немощны и малы перед Господом. Лишь признавая свою малость, можем мы удостоиться всепрощающего Божьего взора и стать во всей своей немощи сосудом Истины. Ведь всякая сила, говорит Апостол, завершается в немощи.

РУССКОЕ СТУДЕНЧЕСКОЕ ХРИСТИАНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ

ИСТОРИЯ, ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, ЗАДАЧИ

(Окончание, см. № 7-8)

4. Движение и инославные организации

ПРАВОСЛАВИЕ И ИНОСЛАВИЕ.

Русская Православная Церковь, как и другие поместные православные, постоянно были, да и до сих пор остаются объектами враждебных действий и нападков со стороны инославных христиан. Более всего здесь приходилось и приходится терпеть от католической Церкви, которая и донныне всячески поддерживает униатское движение, привлекая русских людей „восточным обрядом“. В эмиграции католические организации сделали и делают и ныне много подлинного добра русским людям, благодарная память о чем навсегда останется в русской душе. Но все это добро, все эти виды помощи русским людям не могут закрыть и другого — постоянных (нередко удающихся) попыток к тому, чтобы переводить русских людей и особенно русскую молодежь в католичество. Совершенно естественно, что рядом с искренней благодарностью тем, кто делал добро русским людям, в русской душе и ныне живет не менее обоснованная горечь, недоверие и настороженность в отношении тех католиков, которые пользуются бедственным положением эмигрантов, чтобы всячески „уловить“ к себе православных.

Что касается протестантских церквей, то они вообще стоят за полную религиозную свободу, но у них вообще существовало и, в известной мере, существует самое невероятное представление о Православии, которое им представляется даже не „окаменевшей церковью“, как выражался Гарнак, а чем то недалеким от язычества. Этим (в значительной степени, но не всецело, конечно) объясняется миссионерский пыл протестантов, которые употребляют массу усилий на то, чтобы обратить православных людей к „истинной вере“, т. е. к протестантизму. С особенной силой сказалось это после революции 1917 г., когда в России была провозглашена свобода вероисповеданий.

Среди инославных христианских организаций две, особенно интересовались Россией. Еще в 1909 г. д-р Мотт, стоявший тогда во главе Всем. Христ. Студ. Федерации, приехал в Россию, где в главных университетских центрах (Петербурге, Москве, Киеве) прочитал лекции на тему: „Может ли образованный человек в наше время верить в Божество Иисуса Христа?“ Переводчиком его всюду был бар. Николай — русский человек, уже входивший тогда в Студ. Христ. Федерацию. После лекций Мотта в указанных городах образовались студенческие кружки для совместного чтения Евангелия, — по типу, как уже упоминалось, вне-конфессиональных кружков. Эта вне-конфессиональность студенческих кружков заставляла и духовенство, и профессоров относиться к начинавшемуся студенческому Движению в России с осторожностью и даже недоверием, — тем более, что к этим кружкам часто примыкали люди, становившиеся уже на путь сектантства.

В 1900 году Американский Х.С.М.Л. (У.М.С.А.) помог группе общественных деятелей в Петербурге создать общество по образцу УМСА обычного типа, которое они назвали „Маяк“ (только после февральской революции Союз стал называться „Христианский Союз Молодых Людей“). Кроме обычной работы с молодежью при Союзе функционировал еще специальный отдел для мальчиков.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВСЕМ. СТУД. ХРИСТ. ФЕДЕРАЦИИ И УМСА ДО ОБРАЗОВАНИЯ РСХД (в эмиграции).

С революцией 1917 г. и провозглашением свободы вероисповеданий, для инославных организаций открылся широкий простор для их деятельности, но работала в России только УМСА (американская). Один центр находился в Риге, другой в Харбине. Много подлинного добра сделала тогда молодежь УМСА, особенно в Сибири, а также и в Европ. России, когда наступил голод в России. Но помимо социальной работы УМСА стремилась вести и религиозную работу, — и с этой целью она стала издавать переводы на русский язык ряда произведений религиозного характера. По недостаточному пониманию русской души и Православия, УМСА издавала произведения левых протестантских течений, — и делала это, конечно, *bona fide*. Но именно эти издания создали недобрую славу УМСА — среди русского общества и особенно русского духовенства. Все, кого интересовали судьбы Пра-

вославия, со скорбью следили за тем, как распространялись среди русской молодежи произведения, решительно несоединимые с учением Православной Церкви.

Конечно, это вовсе не было связано с какими либо „коварными“ планами относительно Православия, а определялось неосмотрительными действиями отдельных лиц. Все же первые годы после революции активность представителей американской УМСА почти целиком уходила на *помощь* русской молодежи. Так возникли: под Берлином Технический Институт для того, чтобы дать молодой русской эмиграции профессиональное образование. В Софии были открыты технические курсы, в Харбине — гимназия. УМСА-Press стала издавать в огромном количестве учебные книги.

В 1922 г. состоялся в Пекине первый после войны съезд деятелей Федерации. На этом съезде, по инициативе д-ра Мотта, был создан особый комитет по организации *религиозной* работы среди русской молодежи. В этот комитет вошли: один представитель американской УМСА, один представитель Всем. Студ. Христ. Федерации и два русских деятеля (из числа тех, кто раньше работал в Рус. Студ. Христ. Движении). Благодаря средствам, которые были даны указанным лицам, им удалось организовать религиозные кружки в Софии, Берлине, Праге, Риге, Ревеле, — а в 1923 г., как мы видели, уже был созван первый общий съезд Рус. Движения, который положил начало его самостоятельной жизни. И УМСА, и Всем. С. Х. Федерация продолжали помогать Рус. Движению (см. об этом дальше в § 5), и так как Русское Движение на первом же съезде признало себя всецело связанным с Православной Церковью, то и УМСА, и Всем. Студ. Хр. Федерация никаких препятствий не чинили этой связи с Православной Церковью.

Действительно, уже в 1926 г. на съезде в Nyborgstrand (Дания), Всем. Христ. Федерация Студ. Движений, отступая от принципа вне-конфессиональности в работе с молодежью, признало возможным существование группировок конфессионального характера. Еще позже, в 1939 г., Всем. С. Х. Федерация приняла в свой состав Русское Движение — о вхождении в порядке полноправного членства пока не может быть речи, так как наше Движение охватывает лишь эмиграцию. После 1927 г. представители Рус. Движения стали всегда приглашаться на заседания экуменической комиссии при Всем. С. Х. Федерации, равно

как принимали всегда самое активное участие во всех съездах, организуемых В. С. Х. Федерацией. Самые дружественные отношения между Федерацией и Русским Движением сохранились до сих пор, и деятели Рус. Движения принимают самое активное участие во всех съездах и работах Федерации.

Что касается работы YMCA среди русских, то надо иметь в виду, что обычно Американский Союз YMCA посылает своего представителя по просьбе полномочного комитета в той или иной стране. Задачей представителей YMCA является помочь этому комитету создать и развить работу YMCA, которая соответствовала бы духу и обычаям народа данной страны — с тем, чтобы впоследствии образовался самостоятельный национальный союз, существующий на свои средства. Как только это достигнуто — миссия американского секретаря считается законченной.

При работе с русскими за рубежом Русский Американский Союз YMCA не мог, конечно, строго придерживаться классической формулы. В течение нескольких лет в Эстонии и Латвии существовали группы русской YMCA, но впоследствии они слились с эстонским и латвийским Союзом. На основании соглашения с РСХД Американский Союз YMCA вел работу с русской молодежью всех возрастов в эмиграции через Движение, и американские секретари, назначенные для русской работы, всегда поддерживали тесную связь с Движением.

ВОПРОС О „МАСОНСТВЕ“ YMCA.

В отношении к YMCA в русском обществе — трудно сказать с какого времени — возникло подозрение, что YMCA есть чисто масонская организация. Именно этим подозрением и была вызвана известная уже нам резолюция Архиерейского Собора в Карловцах о недопустимости для православных людей сближения с YMCA. Надо кстати сказать, что той же подозрительностью к YMCA отличалось и отношение Сербского Синода (в Софии и Греции, наоборот, отношение высших церковных властей было благоприятно к YMCA). Д-р Мотт, бывший тогда председателем „Мирового Объединения YMCA“ и всегда с исключительным вниманием и доброжелательством относившийся к Православной Церкви, решил устроить совещание высших представителей православных церковных властей с деятелями YMCA. Таких совещаний было три (в 1929 г. в Софии, в 1931 г. в Афинах и

в 1933 г. в Бухаресте), — и все эти совещания были отмечены все возрастающим взаимным дружелюбием высших церковных властей и YMCA. На первых двух совещаниях участвовал митр. Евлогий.

Надо отметить, что на совещании в Афинах вопрос о масонстве был поставлен с полной определенностью румынским епископом, тогда викарием Патриарха, Титом Симедриа. Он обратился к д-ру Мотту с указанием, что православные церковные круги весьма обеспокоены слухами о том, что YMCA есть чисто масонская организация. Д-р Мотт категорически отвел это подозрение и подчеркнул, что YMCA всегда была и есть чисто христианская организация для работы с молодежью. Он признал, что в составе деятелей YMCA могут быть и масоны, как они входят вообще в самые различные организации, но ни он сам, ни главные руководители не состояли и не состоят в масонских организациях, что YMCA есть самостоятельная христианская организация, независимая ни от каких иных организаций. Прямой и решительный ответ д-ра Мотта оставил самое благоприятное впечатление у всех присутствующих, — но к сожалению надо сказать, что слухи о связи YMCA с масонством время от времени вновь распространяются людьми, неизвестно почему недоброжелательными к Движению. Теперь, когда мы подводим 25-тилетние итоги нашего сотрудничества с YMCA, мы должны констатировать, что не только никогда мы не испытывали какого бы то ни было давления со стороны YMCA, но, наоборот, встречали всегда подлинно христианскую помощь с их стороны. Когда в 1928 г. была создана нами должность священника Движения и когда о. Сергей Четвериков поднял вопрос о создании храма Движения, то YMCA, в помещении которого тогда работало наше Движение, с величайшей охотой предоставило помещение для Храма. С другой стороны, YMCA-Press со времени возникновения Движения целиком отдало свои средства на печатание книг православного характера. Огромное количество книг, напечатанных за 25 лет, является лучшим свидетельством того, что русская секция YMCA является истинным другом не только Движения, но и Православной Церкви вообще. Отметим также, что через YMCA были получены средства для создания при Богосл. Институте Рел.-Пед. Кабинета, отметим и деятельное участие секретарей YMCA в собирании средств для Богосл. Института. Это длительное, активное отно-

шение УМСА, всегда содействующее развитию и успехам разных сторон в жизни Православной Церкви, лучше всего свидетельствует против всяких подозрений в отношении „масонских” задач УМСА.

Иногда задают вопрос: но какая может быть у УМСА цель помочь Православной Церкви и тратить средства на нее? Не может быть, чтобы у УМСА было чисто бескорыстное отношение к Православной Церкви, — наверное есть какие то тайные цели. На это должно сказать: не одно чувство благодарности за ту огромную поддержку, которую нам всегда оказывало УМСА, но еще больше прямое чувство правды и чести заставляет нас сказать: да, помощь УМСА была действительно бескорыстной! УМСА живо интересовалось развитием русского Движения, — но никогда ни в чем оно не чинило затруднений, ни оказывало давления. 25 лет работы должны убедить всех, кто честно и непредубежденно относится к УМСА, что перед нами была и есть *братская* организация, с любовью и искренним желанием помочь Православной Церкви шедшая нам на встречу. Руководители УМСА и особенно д-р Мотт много раз подчеркивали огромное значение для всего протестантского мира русской церковности, — и в этом отношении Рус. Ст. Хр. Движение всегда было в международных церковных кругах проводником русской церковной традиции.

Р.С.Х.Д. И ЭКУМЕНИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ.

Так наз. Экуменическое Движение, в разных еще формах ставящее себе задачи сближения, а если возможно и воссоединения Церквей, как движение *церковное*, прямым образом не связано с Студ. Движениями. Но все студ. Движения испытали огромное влияние экуменического движения, — и всякий раз проводником экуменической идеи в студенческие инославные круги было именно РСХД. Оттого не бывает ни одного большого студенческого съезда в Европе, на который бы не звали представителей РСХД. И, конечно, это связано вовсе не с талантами отдельных лиц, а с тем, что РСХД всюду и везде ценно своей верностью Православию. Только свидетельствуя о нем, только выражая его отношения к тем или иным вопросам религиозного порядка, РСХД оказывается исключительно ценным „ферментом” в работах различных съездов. Свидетельствуем об этом не в похвалу себе, не в самомнении, а лишь на основании посто-

янных заверений со стороны и студенческих групп и их руководителей. Протестантская молодежь (впрочем очень часто не только молодежь) лишь тогда начинает понимать весь смысл и пути экуменического движения, когда встречается именно с православными людьми. Встреч с католической молодежью, увы, у нас почти нет — и даже там, где в порядке практического сотрудничества протестанты и католики идут рука об руку, — они религиозно остаются чужды друг другу. Наоборот, встреча с православными всегда имеет для протестантов религиозный характер; близость Православия в ряде пунктов к протестантизму (личное отношение к Господу Иисусу Христу, любовь к Свящ. Писанию, дух свободы), а с другой стороны — догматическая и литургическая насыщенность Православия, отсутствие у нас того высокомерия, которое, увы, так характерно для позиции католичества в экуменическом вопросе, все это открывает Православию простор для подлинного, религиозного влияния на протестантизм. Глубокая и непоколебимая наша вера в правду Православия никогда не мешала православным с вниманием и братской любовью относиться к религиозному миру протестантизма, — оттого и для русской молодежи, посещающей инославные съезды, эти съезды являются настоящей школой в их православном самознании — с этих съездов наша молодежь возвращается с возросшей любовью к Православной Церкви.

5. Финансы Движения

ОТКУДА У ДВИЖЕНИЯ СРЕДСТВА?

В тесной связи с вопросом об отношении Движения к инославным организациям стоит вопрос чисто внешний, но требующий полной откровенности — вопрос о средствах, которыми располагает наше Движение.

РУССКИЕ ИСТОЧНИКИ.

Надо прежде всего указать на русские источники средств. Сюда относятся: а) членские взносы членов Движения; они незначительны по размеру, да и не мало есть членов Движения, которые, по условиям своей жизни, не могут ничего вносить; в общем, они образуют не больше 5 % бюджета. б) Так наз. „финансовая кампа-

ния", т. е. сбор пожертвований в русском обществе. Члены Движения, с особыми личными карточками, обходят русских людей, о сочувствии которых Движению они знают (или рассчитывают на него). Финансовые кампании, повторяющиеся из года в год, положили начало особой картотеке жертвователей, согласно с данными которой и происходит сбор средств на Движение.

Вместе с членскими взносами финансовая кампания дает до 40 — 50 % бюджета.

ИНОСЛАВНЫЕ ИСТОЧНИКИ.

а) Из инославных источников укажем на Всем. Студ. Христ. Федерацию, которая даже в годы немецкой оккупации неизменно поддерживала Движение. В бюджете Движения это занимает около 25 %. Надо иметь в виду, что помощь Федерации направляется через Центр Движения, который только за счет этого источника и существует (о взносе YMCA на работу Центра см. дальше). Оплаченной в центре является работа Генерального Секретаря, канцелярские и общие расходы, остальное распределяется на местные Движения. С 1945 года через центр проходила помощь и так наз. „Комитета Восстановления" при Экуменическом Сов.

Сверх этого надо упомянуть о присылке иногда отдельными Студ. Движениями тех или иных сумм.

б) С 1926 г. в Англии существует общество помощи русскому духовенству (ныне, имея иное наименование, оно фактически ведет ту же работу); это общество собирает средства среди англичан и уделяет из них — среди других назначений — некоторые суммы и РСХД. В течение войны 1939-45 эта помощь совершенно отсутствовала.

в) Русский отдел Американского Союза YMCA оказывал существенную финансовую помощь Движению с самого момента его возникновения — в Чехословакии, Германии и, особенно, во Франции. Кроме оплаты жалования одного или нескольких русских или американских секретарей, специально прикомандированных к Движению, Американский Союз YMCA принимал на себя до 60 % бюджета работы (во Франции) и представлял безвозмездно помещение для Движения. Кроме того, в течение более двадцати лет Движение, прямо или косвенно, получало средства из Church Found, который был со-

здан и существует при ближайшем участии представителей YMCA и главная часть средств которого идет Богословскому Институту в Париже.

6. Движение и Россия

ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ.

Русская эмиграция до сих пор сохранила чувство неразрывной связи своей с родиной. Это, однако, должно быть ограничено одним замечанием: русские молодые поколения, особенно те, которые связаны с момента рождения с чужими странами, России никогда не знали (или знали только в очень раннем детстве). Поэтому очень рано среди русской молодежи стали проявляться тревожные признаки *денационализации*. Борьба с денационализацией с каждым годом становилось труднее, пребывание эмиграции вне родины затянулось на долгие годы.

РСХД с самого начала своего возникновения отдавало себе ясный отчет в этом тяжелом явлении. В силу этого в программу занятий кружков очень рано стали входить вопросы, касающиеся России (из истории русской церкви, из истории русской религиозной мысли, религиозные сюжеты в русской литературе и т. д.). Это осталось в Движении донныне, свидетельствуя о неослабевающем интересе нашей молодежи к России. Особое значение „русская тема" стала иметь по мере развития при Движении работы вне-школьной и школьной — здесь русским предметам уделяется очень большое место.

РЕЛИГИОЗНАЯ ЦЕННОСТЬ НАЦИОНАЛЬНОСТИ.

В сущности внутренняя неразрывная связь Православного русского сознания с сознанием чисто национальным всегда была очень глубокой, — даже в те дореволюционные годы, когда национальное самосознание проявлялось очень слабо. Но пребывание в эмиграции естественно заострило сознание нашей религиозной и национальной чуждости Зап. Европе и может быть связало религиозную и национальную сферу души теснее, чем это можно считать „естественным". Церковь в сущности была и остается тем единственным местом, где русские люди, затерянные в чужой стране, чувствуют себя русскими; родина, можно сказать, вся сосредото-

лась (не только символически) в церковной жизни. Это не „филетизм“, конечно, т. е. не преувеличенное подчеркивание национального момента в христианстве, — но все же Церковь переживалась и переживается *не только как молитвенный, но и как национальный центр наш*. Нередки случаи, когда тоска по родине является особенно сильным двигателем религиозной жизни. В этом порядке РСХД жило теми же чувствами, как и вся русская эмиграция — РСХД было и остается глубочайше связано именно в своем Православии с Россией.

Р.С.Х.Д. И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТЕМА.

Но именно это достаточно определяло и внутреннюю, принципиальную внеполитичность РСХД. Церковь призвана объединять под своим покровом всех русских людей, независимо от их политических убеждений. Так и РСХД, ставя себе задачу пробуждения религиозной жизни у русской молодежи и приобщения ее к церковной жизни, считает своим долгом объединять на этой почве всех, независимо от их политических вкусов и убеждений. Есть только одна граница в этом внеполитизме Движения — оно целиком и сознательно стоит против большевизма, как явления, проводящего принцип аморализма. Большевизм есть, конечно, явление *болезненное*, есть проявление глубокой внутренней порчи в людях, — и в этом смысле он находится вне границ, которыми очерчивается область свободы. Вместе со всей русской эмиграцией (старой и новой), вместе со всеми честными людьми в мире, РСХД отталкивается от большевизма, как от явления, глубочайшим образом несоединимого с Христианством.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ АКТИВНОСТЬ ЭМИГРАЦИИ И Р.С.Х.Д.

Вместе с тем, РСХД не ведет никакой политической активности. На этой позиции РСХД продолжает неизменно стоять, — с полной определенностью отделяя тему России, русского народа от большевизма, от советской власти.

7. Идеология Р.С.Х.Д.

Нужна ли идеология?

Нужна ли РСХ Движению своя особая идеология? Этот вопрос вполне законен при первом приближении к нему, — ведь обе основные задачи Движения — привле-

чение ко Христу неверующих и объединение верующей молодежи — настолько ясны и определены, что они не требуют никакого идеологического обоснования. Это, конечно, верно, — но *из* служения Церкви и из поставления этого служения в основу жизни *вытекает* определенная идеологическая установка. Христианство не может, не должно быть отодвигаемо от жизни, от ее больших и малых проблем, христианство может и должно быть основой целостного миропонимания и жизнепонимания. И то, что в РСХД была поставлена тема христианской идеологии, как системы христианского мировоззрения, — это приближает РСХД к лучшим традициям русской религиозной мысли, как она развивалась в XIX и XX вв.

ОСНОВА ИДЕОЛОГИИ Р.С.Х.Д.

Уже на первом общем съезде Движения (в 1923 г. в Пшерове) была выдвинута идея „оцерковления жизни“, т. е. связывания всех тем жизни с благодатными силами Церкви. Перед лицом того, что мы находим в европейской и русской культуре, это означает не что иное, как *сознательное противление принципам секулярной культуры*. Начиная с XV в. (отчасти даже с XIV в.) в Зап. Европе все время шел процесс отрыва от Церкви всех сфер культуры — одной за другой. Эта „эмансипация“ науки, морали, философии, искусства, права и общественной деятельности не только закрепляли отрыв разных сфер культуры от Церкви, но и создавали ту тяжелую опустошенность души и жизни, которая неизбежна, когда теряется связь культуры с ее Логосом, с благодатными действиями Св. Духа... На Западе процесс этот был исторически в свое время неизбежен. Для России с ее Православием секуляризм был напрасным и ничем не вызываемым повторением чужой болезни духа. От него в русской мысли, даже после распада древнего церковного мировоззрения и резкого поворота к Западу, никогда не угасала мысль о том, что Россия должна идти иными путями, что Россия с ее Православием может и должна сбросить с себя злое поветрие чужой болезни, чтобы найти в Православии основы для широкой и творческой, свободной и осиянной светом и правдой Церкви, культуры. Это и лежало в основе того идеала „оцерковления жизни“, к которому пришло Рус. Студ. Христ. Движение с самого начала.

ИДЕЯ ПРАВОСЛАВНОЙ КУЛЬТУРЫ.

Движение выдвинуло мысль о необходимости *пересмотра* всего содержания современной культуры с точки зрения Православия. Это означает, что самые основы современной жизни и культуры, ее творческие силы должны быть освещены и освящены благодатью Церкви, что не ослабляя ни в чем творческих устремлений, человечество должно внести в них забытые или отодвинутые начала Христовой правды.

Такова та идеологическая перспектива, к которой устремлено Движение в своих исканиях. Оно не может претендовать на построение *теоретической системы* православного мировоззрения, да это и не по силам молодежи, сгруппировавшейся в Движении, но Движение обращено в своих исканиях именно к преодолению всяческих следов секуляризма. *Это есть та духовная установка*, которая определяет собой пути Движения. Два рядом идущих задания вытекают из этого:

ВНУТРЕННЯЯ РАБОТА.

Преображение жизни и культуры в свете христианства может быть осуществляемо только через внутреннее преобразование нашего духовного мира, нашей внутренней жизни. Это есть *внутреннее очерковление души*, требующее непрерывной работы над собой, непрерывного связывания своего „естества“ с Церковью через богослужебную жизнь, через Таинства.

СОЗДАНИЕ ЦЕРКОВНОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ.

С другой стороны, наша молодежь, объединяющая круги, причастные к высшей школе, имеет перед собой чрезвычайно важную и ответственную задачу — способствовать росту и внутреннему развитию кадров *церковной интеллигенции*. Возвращение интеллигенции к церкви совершается ныне силами самой истории, но только через совместное, согреваемое и направляемое Церковью собрание сил церковной интеллигенции может совершаться не только индивидуальный, но и исторический сдвиг русской жизни в сторону ее преобразования в духе Христовом и на путях преодоления неправедных путей, созданных в современности тлетворным дыханием западного секуляризма.

* * *

На этом мы кончаем обзор того, что делало и чем жило наше Движение за 25 лет своего существования. Оно вышло на узкий путь христианского делания, оно возлюбило этот путь, при всей трудности и даже скорбности его, но путь этот вытекает из того, что входило и входит в души, как призыв к „единому на потребу“.

Прот. Василий Зеньковский

ЦЕРКОВЬ И ГОСУДАРСТВО

(Окончание, см. № 7-8)

IV.

К моменту царствования Иоанна Грозного отношения между церковью и государством дошли до своего идеального предела. Дальше мы будем наблюдать процесс все более нарастающего внутреннего разъединения. В этом развитии нарушится до сих пор существовавшее равновесие, когда обе институции старались отдавать должное друг другу, не идя по пути соперничества. Поставленный в дальнейшем вопрос о первенстве разрешается не в пользу церкви.

Внешне этот разлад не замечается еще в течении целого столетия. Есть даже моменты, которые могут говорить об обратном. Так в 1596 г. церковь наконец доживает до осуществления своей мечты — московский митрополит ставится при согласии всех четырех патриархов вселенской православной церкви в Патриархи всея Руси. Полнота власти достигнута: есть Царь и Патриарх.

В Смутное Время голос церкви становится опять голосом, призывающим к единению.

Опять проявляется тождество национального и религиозного самосознаний. Борьба ведется за веру и за национальную самобытность; оборона Троице-Сергиевской Лавры, воззвание патриарха Гермогена имели такое же значение для спасения Руси от Смуты и иноземного ига, как национальное дело Минина и Пожарского.

Церковь еще не перестала быть духовной руководительницей судеб русского государства.

Окрепла и внешняя мощь церкви. Помогла ей историческая случайность. Отец новоизбранного царя Михаила

был патриарх русской церкви Филарет. Не только малолетство царя, но и умственное превосходство его отца привели к тому, что государственные дела руководились патриархом. Не даром современники присвоили ему титул „Великого Государя“. Средоточие государственных и церковных дел в руках патриарха, представительство церкви на земских соборах, расширение ее земельного фонда (против которого цари со времени Иоанна IV вели досель безуспешную борьбу), все это временно бесспорно укрепило внешнее положение церкви в государстве.

Но наравне с этим развивались внутренние болезни церкви и назревал конфликт с государственной властью.

Внутренний кризис церкви складывался, главным образом, из двух элементов: столкновения с Западом и духовного формализма.

Восстав единодушно против униатских попыток Исидора, церковь, однако, не смогла предотвратить проникновение на Русь других „еретических“ течений. Они начали проникать к нам через наше давнишнее „окно в Европу“, через Новгород. Новгород больше остальных городов и областей России соприкасался с западным миром. Через него начали проникать к нам первые отголоски нарождающегося на Западе рационализма и протестантизма. Под этим влиянием в Новгороде возникают ереси, сперва стригольников, а потом жидовствующих. Церковь немедленно реагирует на эти первые проявления вольной мысли. Она призывает на помощь государство, требуя от него суда над еретиками „градским законом“. Но жестокая расправа с новгородскими еретиками при Иоанне III не приостановила дальнейших исканий и блужданий русской мысли. Так уже при Иоанне IV мы встречаем новое ее проявление, о чем свидетельствуют суды над Артемием и дьяком Висковатым. Церковь, равно как и государство, должна была пройти болезненный процесс сближения с Западом, проникновения к нам его мысли, освоения этих течений и разработки своего к ним отношения. Этот путь отмечается все нарастающим у нас в XVII веке вольнодумством, попыткой самой церкви эволюционным путем укрепить свои установки (при патриархе Никоне), отколум от главенствующей церкви старообрядцев и формированием из этой среды многих сект, развитие коих не прекратилось вплоть до нашего времени.

Борьба была не только болезненной, но и трагичной. В момент, когда церковь упоилась мыслью о чистоте

своей веры, когда она пела гимн величия и славы русской церкви и государства, когда она в полной готовности приняла наследство Византии для защиты православия, она обнаружила в себе первые признаки внутреннего неблагополучия. Но трагизм положения заключался не только в этом. Церковь, столкнувшись с внутренним врагом и его вдохновителем извне, не имела нужного оружия для борьбы. Развитие нашей церковной мысли, а она в те времена выражало развитие мысли вообще, происходило в узком кругу собственного мира. Она заключалась, главным образом, в сохранении принятого учения, упиралась в вопросы формы, которую церковь считала выразительницей духовной сущности. У нее не хватало ни опыта столкновения с иноверцами, ни той школы мысли, которую выработал Запад. Наши церковные споры заключались в решении вопросов о сугубой или троекратной аллилуйе, о хождении посолонь, о двуперстном крестном знамении. Надо оговориться, что для того времени это не были лишь пустые обряды. В них вкладывался весь смысл веры, все духовное горение. Но этого оказалось мало в столкновении с более опытным противником. Прекрасным примером духовной обособленности Московской Руси может служить спор о православии и католицизме Иоанна IV с Поссевином. Представитель „единственного правоверного государства“ в споре с иезуитом не смог развить и доказать всего духовного величия своей веры, не смог разбить противника. Он лишь догматически изложил принципы своей истины.

Этот духовный формализм, это отсутствие свободного богословия еще долгое время останется камнем преткновения духовного развития нашей церкви. И не последней причиной этого является то предпочтение, которое церковь дала направлению Иосифа Волоколамского перед учением Нила Сорского. И забегая вперед, можно утверждать, что вплоть до нашего времени церковь не нашла синтеза этих противоречий.

В этом состоянии внутренней неуверенности и отсталости церковь встречает последний период до-петровской эпохи. К этому времени Московская Русь встала на путь освоения западных влияний. Она медленно, эволюционным путем, пыталась воспринять и переработать все то новое, что несло с собой все более тесное столкновение с Европой. Тожественный путь должна была пройти и Церковь. Ей открывались все новые горизонты

не только проникновением вольнодумства и рационализма, но и благодаря столкновениям с более образованными православными кругами. Это богословское влияние шло к нам из Киевской Духовной Академии, которая после присоединения Украины к Московскому Государству направила свою деятельность на сотрудничество с Москвой.

Влияние малорусского духовенства явилось последним толчком, приведшим у нас к пересмотру наших служебных книг, — путь, по которому церковь мыслила прийти к духовному оздоровлению и укреплению. Во главе этого реформаторского движения стал Патриарх Никон, второй Великий Государь на патриаршем столе. Он собирает вокруг себя ревнителей церковного обновления и они начинают работу, сверяя греческие книги с нашими. Но начатая в единомыслии плодотворная работа вскоре приводит к резкому размежеванию реформаторов на два лагеря. Характерно, что раздор происходит не на почве богословских споров, а благодаря известному уже нам формальному отношению к обрядности вопросов веры. Сверение книг вскрывает не одну разницу русских и греческих молитв и обычаев. Никон строго стоит за исправления согласно греческому тексту. Но его противники видят в этом посягательство на глубинную сущность русского правоверия. В них жива еще мысль об измене греческой церкви истинному православию и убеждение, что оно сохранилось лишь на Руси. С изумительным фанатизмом и самоотверженностью, — вспомним хотя бы протопопа Аввакума, — они встают на защиту старой веры. Они воскрешают и цепляются за старое величие Московской Руси и ратуют против внедрения и влияния еретического Запада. Они, согласно московскому мировоззрению, тесно сопрягают национальное с религиозным, идя за свои идеи на костер или уходя в подполье. Никону удается силой с ними справиться. Он не приостанавливает безусловно нужное обновление нашей церковной литературы. Но откол большей части населения, уход его на окраины и в подполье для защиты старины становится первым подобным явлением на Руси, первым предтечей отхода низов от власти.

Но этим внутренним, хотя временно и заглушенным кризисом не ограничиваются неурядицы церковной жизни. Никон своим почином книжной реформы бесспорно сделал первый шаг к поднятию богословской образованности, не был он чужд и дальнейшим мероприятиям для

духовного оздоровления церкви. Но с другой стороны он сам, на поприще внешнего положения церкви, ее отношения к государству, нанес ей удар, имевший роковые последствия.

Наравне с попыткой внутреннего обновления церковной жизни Никон ставит принципиальный вопрос о первенстве церкви или государства. Как и первый вопрос, так и этот имеет свою историю и обуславливается предыдущим развитием. Относительная гармония церковной и государственной власти, которая существовала до середины XVI века, подрывается отдельными попытками государства. Первое резкое выступление власти против церковной самостоятельности происходит во второй период царствования Иоанна IV. Восприняв идею самодержавия, он, со свойственной ему прямолинейностью, не захотел терпеть вмешательства даже со стороны церкви, в которой он подозревал тенденцию поддержать преследуемое им боярство. Так он первый из московских государей вмешивается в свободу печалования, этого старого преимущества церкви; а заключение и убийство митрополита Филиппа является первым тревожным признаком стремления государства полностью подчинить себе церковь. Но эта тенденция не получила полного осуществления в последующее время. Мы даже отметили внешнее укрепление церкви. Поэтому неправ был Никон, приступив к резкому решению вопроса церковно-государственных взаимоотношений и впадая при этом в противоположную крайность — утверждение первенства церкви над государством.

Имея большое влияние на царя Алексея Михайловича, Никон добивается, как его недавний предшественник, титула Великого Государя. Следуя его примеру, он тоже пытается влиять на государственные дела не только в дозволенных для служителя церкви формах, но фактически участвуя в решении государственных вопросов.

Обосновывает он свое стремление возвысить церковь над государством, подводя под него идеологическое основание. „Много раз явлено, что священство выше царства”, проповедует он, сравнивая мирскую власть с луной, а церковную с солнцем. Архиерейская власть — над душами, царская же власть над делами мира сего. Ему понятна еще мысль о гармонии обеих властей, сам он говорит, что обе они от Бога происходят. Но духовная нравственно выше светской, и та ей должна подчинять-

ся — „не от царей священство приемлется, но от священства на царство помазуются”.

Интересно отметить, что необходимость развить свою теорию Никон видит в нашем историческом прошлом. Создается впечатление, что он как бы пытается исправить ошибки прошлого, устанавливая, по его мнению, правильное взаимоотношение этих двух управляющих институций в государстве. Не даром он так чтит память убиенного митрополита Филиппа, заставляет царя перенести его мощи в Москву, — как бы устраивает покаяние царской власти за преступный шаг ее предка.

Властный характер самого Никона и та чрезмерная резкость, с которой он поставил вопрос об отношениях между церковью и государством, неминуемо привели к конфликту. Все накалявшаяся атмосфера разрядилась благодаря незначительному недоразумению, вследствие которого в 1658 г. Никон покинул Москву, оставив церковь в двойственном положении — без главы при живом патриархе. Никон рассчитывал на уступки со стороны царской власти, на которые та, однако, не пошла. И с этого момента, в течение восьми лет, длится распря между царем и патриархом. Кончается она победой государственной власти. В 1666 г. Никон низлагается собором русских епископов в присутствии патриархов Александрийского и Антиохийского. Присутствие этих двух патриархов при решении внутрирусского церковного вопроса доказывает насколько власть стремилась раз навсегда решить этот спорный вопрос, хотя и не она являлась зачинницей конфликта.

И так мы видим, что церковь, не достигнув окончательного внутреннего обновления и оздоровления, потерпев вдобавок поражение от государственной власти, вступает в революционную петровскую эпоху с явно ослабленными позициями.

V.

Петр пытался быть новатором не только внешней жизни, но и ее духовных основ. Ему была чужда психология московского царства. Его не вдохновляли больше его идеалы. Не стремился он больше и к гармоничному единению церкви и государства, не понимал прелести византийской преемственности. Его не умиляли старые обычаи, он не ощущал больше ни их жизненной необходимости, ни их внутренней сущности. Он отдал свое

сердце западному пониманию государственности, в идеалах которой он видел единственный путь спасения для косной, отсталой Руси. Он не признавал также начатого освоения Запада эволюционным путем. Он требовал резкой, быстрой ломки.

Вводя Россию в горнило своих революционных преобразований, Петр не мог не коснуться церкви. Чересчур она являлась неотъемлемой частью всех сторон русской жизни того времени. Она вдохновляла и одухотворяла власть и ее действия, она строила быт русского человека, направляла его мысли, даже в экономике страны она заняла свое место. Но для Петра она была лишь носительницей оппозиции против его нововведений, он видел лишь ее косность, безграмотность, отсталость. Он опасался ее посягательств на государственную власть, как это было при Никоне, и резко выступал против ее экономических ресурсов (монастырских земель). Веря в абсолютность государства, он не хотел его проникновения иной силой, но хотел видеть ее в подчинении у государства. Ничто не должно было мешать ему вывести страну на путь подлинной, деловой государственности, во главе которой должен стоять самодержавный царь как первый слуга народа, а не двойственное выражение власти в лице царя и патриарха.

Возможно, что если бы церковь успела к тому времени пройти начатый ею путь духовного обновления, отказаться от формализма и выйти из замыкавшего ее круга византийско-московских преданий, то она смогла бы отклонить нанесенный ей Петром удар. Но в том неустойчивом состоянии, в котором она встретила эпоху реформ, она могла только еще больше подчиниться светской власти.

Эпоха Петра обозначает для Церкви в первую очередь конец русской патриархии. После смерти патриарха Адриана (1700 г.) Петр воспрепятствовал выборам нового патриарха. Сначала он назначает местоблюстителя, Стефана Яворского, а в 1721 г. возглавляет русскую церковь Св. Синодом. Святейший Синод был создан на подобие светских коллегий, а в основу его был положен Духовный Регламент, составленный при ближайшем участии самого Петра. Фактическим главой Синода установился светское лицо — Обер-Прокурор, представитель государя. Отстранив церковь от всяких государственных дел, Петр в делах церковных поставил ее под надзор и

влияние государства. Никогда раньше церковь, даже при большом влиянии московского царя и его интереса к делам веры и церкви, не стояла в такой прямой зависимости от государства. Прежние вмешательства надо рассматривать лишь как попытки отдельных лиц. Теперь государственное влияние было узаконено официальным уложением. Для характеристики этого положения отметим, что члены Синода вплоть до 1901 г. приносили при вступлении в Синод присягу, в которой государь признавался высшим судьей „коллегий”. Если Петр и думал, может быть, отстраняя церковь от государственных дел, привести ее к внутреннему оздоровлению, то, подчиняя ее безоговорочно государству, он поставил ее на путь все нарастающей бюрократизации. Из этого состояния наша господствующая церковь не смогла выйти вплоть до начала революции.

В связи с этим мероприятием надо рассматривать и дальнейшее урезывание церковных прав, как то изъятие многих судебных дел из ее ведомства и секуляризация церковных и монастырских земель. Последний процесс, незаконченный Петром, нашел свое завершение при Екатерине II. Интересно отметить, что он хотя и стоял в тесной связи с аналогичными приемами в западной Европе, но в то же время завершал старое стремление московских государей — урезать монастырские и церковные земельные фонды. С особой неприязнью относился Петр к монастырям, считая их главными рассадниками ересей и оппозиции, а монахов тунеядцами.

Петр в корне изменил и узаконил на дальнейшие времена новые формы отношений между церковью и государством. Из прежнего духовного ядра государственного развития церковь стала лишь представительницей официально узаконенной государственной религии.

Эти государственные нововведения в области церкви безусловно укрепили ряды уже существующей оппозиции. Старообрядство и секты в этих резких выступлениях видели проявления антихриста. С особой силой в их среде возникает мысль о конце мира, усиливаются бегства в „пустыню”, появляются случаи массового саможжения. Чувствуется глухой протест и в рядах господствующей церкви. Даже такой близкий сотрудник Петра, как епископ Стефан Яворский является противником упразднения патриаршей власти. Но эта оппозиция не приводит ни к каким результатам. Церковь, в общем, покорно по-

винуется урезыванию многих своих прав и административному подчинению государству.

Нельзя говорить о смерти духа церкви. Но не успевшей обновиться в знакомой и органически близкой ей атмосфере, церкви становится значительно труднее найти себя в новой, чуждой подчас самому православному духу, обстановке.

Церковь и государство вступают теперь в эпоху своего перерождения в западно-европейских рамках, в которые они были насильно втиснуты Петром. Но эта переоценка ценностей, этот процесс внутреннего становления и самонахождения пойдет, как мы увидим, чересчур медленно, неся на себе всегда клеймо насильственной ломки. И Церкви, и государству при этом приходится не только осваивать новые формы, данные Петром, но и учитывать все более усложняющиеся общественные взаимоотношения.

VI.

XVII век — век безмолвствия и накопления новых сил русской церкви. Но уже к концу столетия мы встречаем радостное явление — возрождение духовных сил церкви. Надо отметить, что это обновление не будет иметь непосредственного влияния на церковно-государственные отношения. Они протекают в старых, Петром установленных формах. Продолжается бюрократизация церкви. Она официально является частью государства, развиваясь под его надзором. Правда, надо отметить, что само государство остается православным по форме и духу. Но административное подчинение церкви государству идет во вред не только церкви, но и самому государству. Подчиненная ему церковь не может быть его советью, стать духовным обновителем его развития.

Урезанная в своей свободе государством церковь все же находит новые формы общения с ним — через нарождающуюся общественность. Об этих отношениях важно упомянуть не только в рамках развития русской мысли. Эти взаимоотношения к началу XX века начинают влиять и на вопрос отношений между государством и церковью.

Конец XVIII, начало XIX вв. знаменуются пробуждением молитвенности и святости в рядах русской православной церкви. Достаточно упомянуть Оптину Пустынь и св. Серафима Саровского — они самые яркие выразители этого духовного пробуждения церкви. Одновременно

пробуждается религиозное настроение общества. Вспомним хотя бы славянофилов, Достоевского, рождение русской религиозной мысли, Вл. Соловьева и позднее Бердяева, Булгакова. Это духовное горение в неправящих кругах как церкви, так и государства, в конце концов, порождают стремление пересмотреть официальные отношения между обеими институциями. Уже в начале XX века в среде того же Синода появляются мысли о восстановлении патриаршества, восстановлении церковной самостоятельности. Но как и в вопросах политических и социальных, так и в этом, преградой ложится недостаточная гибкость самой власти, а с другой стороны возрастающая арелигиозность самого общества. Изменение отношений приходит слишком поздно, чтобы принести благодатные плоды для развития и церкви, и государства.

Церковь возвращает себе свою самостоятельность уже в разгаре революции. Временное Правительство проводит отделение церкви от государства, а в 1918 году церковь, после двухвекового перерыва избирает опять русского патриарха.

Но к этому моменту церковь лишилась своей вековой поддержки. Государство уже больше не является христианским или православным. Оно стало безбожным, антирелигиозным.

Этим фактом обуславливаются все дальнейшие горькие испытания, через которые проходит церковь. Ее мимолетная самостоятельность переходит в открытую и тайную борьбу за сохранение своей сущности. Официально отделенная, она фактически находится в полном подчинении у государства, от которого ее не спасает и теперь недавно восстановленная власть патриарха. И если во времена Империи, при административном подчинении государству, церковь не встречала с его стороны явного противодействия развитию своей сущности, своего духа уже по одному тому, что государство, несмотря на свою косность, оставалось православным, то теперь ей приходится жить и творить в атмосфере ярко выраженного безбожия, которое проповедуется и поддерживается той властью, от которой церковь зависит.

Ушедшая же за границу русская церковь вышла из под влияния государства. Она стала самостоятельной величиной. В ее жизни отпадает момент отношения к государству. Только для будущего она может развивать те или иные теории, ставить те или иные вехи отноше-

ний между церковью и государством. О них не будем здесь говорить. Это особая тема, не относящаяся к нашему вопросу, поставленному в чисто исторической плоскости.

VII.

На этом мы заканчиваем наш очерк, в котором мы пытались дать общую линию исторического развития церковно-государственных отношений в России.

Этот многогранный и сложный вопрос не нашел своего правильного решения в нашей новейшей истории. Начатый путь совместного сожительства церкви и государства в молодом киевском и впоследствии московском государстве был прерван резким поворотом России на Запад. Достигнутая, хотя может быть и очень относительная, гегемония церкви и духовное взаимопроникновение церкви и государства в московской Руси были разрушены, когда Россия столкнулась вплотную с иностранным миром западной Европы. Эта перемена была произведена настолько резко, что церковно-государственные отношения не успели приспособиться к новым требованиям, а вошли в сверхуказанные формы. Причины этому лежат не только в самодовлеющей величине государства. Они кроются также и в особенностях и ошибках самой церкви.

Православная церковь никогда не имела стремления стать, на подобие католической, светской величиной. Она легко подчинялась государству, стремясь лишь к его духовному проникновению. Когда же просвещенное государство снизило ее роль в государственной жизни на чисто служебную по отношению к общему развитию, у церкви не хватило сил выйти из под этого внешнего влияния. Государство, как социально-политическое оформление народа, не дало церкви, как выразительнице внешне оформленной религии, надлежащего ей места свободы в государстве.

Восстановление равновесия между церковью и государством в русском развитии — историческое требование, которое ждет своего решения. От правильного решения этого вопроса будет во многом зависеть духовное возрождение российского государства.

Marrakech, Марокко.

1949 г.

Елизавета Миркович.

СЕРДЦЕ АМЕРИКИ

В стеклянном футляре лежала она — трогательный комочек человеческой жизни. „Останется ли в живых?“ — так спрашивали себя многие из тех, кто смотрел на преждевременно рожденное дитя, прибывшее на мировую выставку в Чикаго, имея три с четвертью фунта веса. Даже сестры милосердия сомневались, удастся ли врачу-ребенку искусству и заботливому уходу удержать ребенка в живых.

Если бы они только могли заглянуть в будущее. К началу 1949 г. из почти нежизнеспособного ребенка выросла маленькая четырнадцатилетняя девочка. Ребенком она перенесла тяжелые детские болезни, была также больна суставным ревматизмом. В семилетнем возрасте она лежала несколько месяцев в больнице с туберкулезом глаз (последствия кори) и, казалось, уже была приговорена к полной потере зрения. Но Роберта Мэзон спаслась и здесь — ее непреклонная воля к жизни победила.

Бедность царила в ее родительском доме. Шофер грузовой машины Вальтер Мэзон и его жена Мильдред трудились день и ночь, чтобы прокормить и одеть своих семерых детей. Мать была занята на работе, и Роберта, старшая из детей, принуждена была бросить школу на предпоследнем учебном году, чтобы заботиться о своих братьях и сестрах. Она весила всего лишь 64 фунта, но должна была варить, стирать, убирать и мыть для всей семьи. Вечером она разносила газеты.

Прошлым летом наступило большое событие для семьи — постройка маленького домика на собственном участке земли в предместьи Чикаго. Домик был почти целиком построен их собственными руками. Он не имел ни ванны, ни отопления, ни электрического освещения. Воду нужно было таскать из соседнего блока домов, и только единственная керосиновая печка служила для обогрева всего дома. Но все же это был „домик их мечты“, и они были счастливы.

От Редакции: Помещая заимствованную из „*Christian Herald*“ статью о смелом поступке американской девушки и о последовавшем затем отклике общественности, редакция имеет целью показать читателям, особенно переезжающим в Соединенные Штаты, один из малоизвестных ликов христианской Америки.

Утро 17 февраля 1949 г. было сумрачным, холодным и ветренным — зимний день, как многие другие. Мать, работавшая ночью, еще не вернулась домой. Роберта взяла с собой в кухню четырех младших детей (оба старших были вне дома: один в гостях, другой в школе). Только что Роберта принялась купать одного из детей, как вдруг со страшным грохотом взорвалась керосиновая печь в соседней комнате. Роберта захлопнула дверь и и выбежала с детьми на улицу. Но младшего, Лероя, она не увидела около себя. Роберта бросилась в дом. Дверная ручка была до-красна раскалена. Но Роберта надавила ее вниз и в тот же миг была отброшена давлением горящих газов, вырвавшихся теперь через открытую дверь. Слабый, удушливый кашель указал ей, что ребенок там, хотя она не могла его видеть. Комната ярко горела: по шторам, по мебели, по деревянным стенам извивались языки пламени, в то время как все остальное тонуло в черном керосиновом дыму. Лежа ничком на полу, ползла Роберта вперед, вслепую ища потерянного брата. Наконец, она нашла его под столом.

Ее платье тлело на ней, но не горело, т. к. было мокро от работы на кухне. Пламя опалило лицо Роберты, ее плечи и руки, когда она ползла сквозь жар обратно, но несморгая на это она укрывала голову и плечи ребенка своим платьем. В кухне она попыталась достичь выходной двери. Но огненным вихрем дверь была захлопнута. Роберта кинулась к окну и разбила его своими обгоревшими кулаками и локтями. Теперь она могла дышать, и ей удалось открыть и дверь.

Собрав свои последние силы, дотащилась Роберта с потерявшим сознание ребенком до соседнего дома, где упала на пороге без чувств. Соседка, г-жа Мартинек, завернула обоих детей в одеяла.

„Даже ее глаз не было видно, — рассказывала г-жа Мартинек, — одно ухо выглядело так, будто оно наполовину сторело, а волосы были опалены“.

В больнице врачи забинтовали Роберту с головы до ног и сделали ей переливание крови. Ее жизнь висела на тоненькой нити — ослабленные многими болезнями легкие находились в опасности, они могли не перенести действия огня и дыма. Опасались тоже и за ее руки, которые понесли ожоги третьей степени. Но искусство врачей и воля к жизни девушки одержали верх. У Роберты останутся лишь единичные шрамы на шее и руках.

История героического поступка девушки и ее борьба за жизнь явились, конечно, материалом, который был подхвачен прессой. По всей Америке газеты распространяли снимки: дети, стоящие у постели Роберты и боязливо смотрящие на покрывающие все тело перевязки, виды внутреннего разгрома в домике, причиненного пожаром. Эхо в общественности превзошло все.

Как по волшебству появились всюду в магазинах и бюро копилки с надписью „Для Роберты“. Соседи предприняли сбор. Chicago Daily News возглавила один из Roberta-Fonds. Напаранные детские письма с вложенными в них монетками лежали груды вместе с письмами взрослых, содержащими банкноты и чеки. Один маленький мальчик прислал банкноту в пять долларов с письмом: „Господь тебя благословит, Роберта, но смотри, чтобы никто у тебя не украл эти пять долларов“. Даже из Ирландии пришло пожертвование. В общем и целом было получено более 12000 долларов, большая часть которых будет употреблена на образование Роберты.

Настоящий поток различных других подарков притекал из близких и далеких краев: ручные часы, куклы, радио-аппараты, пулловеры, платки. Дети слали Роберте носовые платки, жевательную резинку, даже маленького косматого щенка. От „Союза участников войны“ она получила 100 долл. для дальнейшего образования и часы с монограммой.

Но самым значительным был подарок от профсоюзов и строительной индустрии — „домик, о котором можно лишь мечтать“. Он был воздвигнут на участке сгоревшего дома.

„Дайте нам материал и мы в три недели соорудим вам полноценный дом“, — обязался Михаэль Секстон, председатель профсоюза столяров. Он добровольно взялся руководить строительством — при совместной работе с цементщиками, каменщиками, каменотесами, штукатурами, жестянщиками, электромонтерами, техниками по отоплению, кузнецами, стекольщиками и малярами.

Архитектурное бюро предоставило бесплатно планы строительства, строительные фирмы прислали материал и оборудование.

Через девять дней после пожара началось строительство. Мощный трактор сгреб мусор в сторону, другой тяжелым валом уравнивал поверхность. Под ледяным ветром и дождем началась закладка фундамента. Ночь не

могла прервать работы — пожарная команда гор. Чикаго прислала автомобиль с прожекторами для освещения стройки. Владелец ресторана посылал бутерброды и горячий кофе для добровольных рабочих. В полночь был заложен фундамент.

Когда началась работа плотников, плечом к плечу стояли в ней председатель профсоюза, уже в течение нескольких лет не державший в руках инструмента, со своими людьми. Работники бюро из торговых строительных фирм надели рабочие костюмы и помогали при разгрузке дерева, камней, цемента, изоляционного материала и других подарков. Соседка, г-жа Мартинек, предоставила свой дом в распоряжение работающих. С помощью других хозяек по соседству, она приготовила более тысячи горячих обедов. К концу первой недели дом стоял уже под крышей. На второй неделе в рекордное время было закончено внутреннее оборудование. В следующие дни были отделаны современная кухня, ванная комната и центральное отопление по новейшей системе. Десять огромных грузовиков возили чернозем для намеченного газона. Со всех концов шли подарки мебели и оборудования. Один коммерсант, осторожно прикалывая орхидею (первую, которую видела Роберта) к забинтованному плечу девушки, обещал подарить ей на тысячу долларов ковров для ее дома. Соседний магазин цветов предложил украшать всегда цветами южную сторону дома.

27 марта, Роберта, одетая в зеленовато-голубой костюм, с капюшоном и шалью, скрывающими шрамы от ожогов, уходила из больницы, сопровождаемая ликующими возгласами пациентов. Снаружи ее ждал лимужин с ливрейным шофером.

По мере приближения автомобиля к новому дому, непрерывным салютом раздавались оглушительные сигнальные гудки автомобилей, стоявших по обеим сторонам улицы.

У Роберты замерло дыхание, когда она увидела новый, красивый дом, с крыльца которого взволнованно и приветливо махали ей руками братья и сестры.

И там же стояли отец и мать. В завершение всего оркестр играл Home, sweet home.

Режущий мартовский ветер не в силах был заглушить воодушевление тысяч, собравшихся перед построенной у главного входа трибуной. Здесь священник совершил моление о молодой героине, отсюда обратился

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ:

В издании
Русского Студенч. Христ.
Движения в Германии
брошюра лютеранского пастора

Фридриха Гейер

Беседа
о лютеранской церкви
с православными христианами
(на русском языке)
24 стр. формат Din A 5
Цена — 60 Dpf.
Для заграницы 2 междунар. куп.

и поступило на склад РСХД

Келейное моление **о спасении России**

Изданное по благословению
Архиерейского Синода
Русской Православной Церкви
заграницей

16 стр. формат Din A 6

Высылается бесплатно
На пересылку почт. марка 6 Dpf.
Для заграницы — обращаться
к нашим представителям

*Оба издания можно выписывать
из Редакции „Вестника“.*

Прием подписной платы производится:

Америка: V. Rev. Alexander Kisseleff, 59 East, 2-nd Street,
New York 3, N. Y. U.S.A.

Англия: „Rossianin“. 119, Adelaida Road,
London N. W. 3.

Аргентина: Kiosk-Representación de las Ediciones Extranjeras Rusas
W.-S. Werbitzky, Cal. Obligado 2150
Buenos Aires. Rep. Argentina.

Бельгия: M-me E. Choutoff, 6, Square de la Residence.
X. L. Bruxelles. Belgique

Германия: Schwester Ekater. Bang. München 27.
Mauerkircherstr. 5.

Марокко: M-me E. Mirkovitch, 36, Derb Abda Kasba.
Marrakech-Medina. Maroc.

Франция: Mr. I. Morosov, 2, rue Voisembert.
Issy-les-Moulineaux (S). France.

Подписная плата на год в Европе — 16 герм. марок
(500 франц. фр. — 100 бельг. фр.). Вне Европы — 4 амер.
доллара.